

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Владычица Зимы.....	5
Глава 2. Проводы Марены.....	40
Набивка	76
Голова	80
Лик.....	84
Лохмотья	90
Добротные / красивые одежды.....	93
Невеста	97
Цветовая гамма	100
Украшения	102
Атрибуты	105
Действа	129
Отношение.....	144
Изгнание Смерти	188
Избавление от болезней	193
Сезонное обновление / очищение	195
Проводы зимы	198
Глава 3. Иные способы, иные даты	208
Украинско-белорусская версия	208
Имена	211
Формы / материал.....	211
Облачение / украшение	216
Действия / почитание	217
Уничтожение	222
Цели.....	228
Болгарские версии	254
Сербские следы.....	263
Словенская версия.....	264
Умерщвление Иуды.....	279
Похороны Пуста.....	284

Глава 4. Благая Мать.....	299
Плодородие.....	304
Приплод птиц.....	304
Благосостояние скота.....	306
Урожайность полей.....	307
Защита.....	321
Подательница благ.....	325
Покровительство в браке.....	335
Список использованной литературы.....	357
Список принятых сокращений.....	395

ГЛАВА I

ВЛАДЫЧИЦА ЗИМЫ

«Не глядай сой смерти: она сама тя найде»
(ФСЛГ, С. 457)

Можно ли всерьез говорить о том, что славяне знали и почитали Богиню Зимы? Те, кто в силу гиперкритического душевного склада (и ни по какой больше причине) склонны вообще сомневаться в наличии у славян собственного пантеона, разумеется, оспорят такую вероятность. Всерьез веря, что славяне по уровню культуры были приблизительно равны народам Камчатки, они и мысли не в состоянии допустить, что нечто подобное могло быть известно «диким и непросвещенным язычникам». Сомневающихся можно отослать к изучению параллелей – относительно германской Фрау Холле европейские авторы вполне определенно высказываются как о языческой Богине, в частности, связанной с зимой: Хольда, фрау Холле, Перхта, Берта – «Старуха-ведьма», в чертах которой сохранились «реликты древнего образа божества природы» (Мелетинский, С. 577). Разумеется, это лишь реконструкция и гипотеза, пусть даже и веская. Но Богиня Зимы известна и другим народам, сохранившим свою исконную веру до настоящего времени. В Индии ей соответствует Богиня оспы Шитала, чье имя буквально обозначает «Холодная». В Сканди-пуране ей посвящен целый гимн, начинающийся словами: «*Кланяюсь Шитале, Богине холода, обнаженной, восседающей на осле*». Для имени скандинавской Богини Хель предлагается этимология от и.-е. **kel-* «холод, укрытие, комната, пещера». Ингушам была известна Богиня *Дардза-нянильк* «Мать вьюг» (Далгат, С. 157). Селькупы рассказывают о весне Томэм и зиме Тэгэм: «Весной

и летом – это Томэм – цветущая краса, полная жизненных сил. Томэм одаряет своих любимых детей – селькупов – всевозможными дарами и защищает от злого черта. Однажды Томэм погналась за чертом, но тот превратился в лягушку и уплыл вниз по Оби. В погоне Томэм попала в «теге» – холодные низовья Великой Оби и превратилась там в Тэгэм – суровую злую старуху» (Степанова, С. 187). Это разновидность мифа о Персефоне, умирающей и воскресающей Богине, частично воплощенный в масленичной обрядности. Уже из указанной параллели следует соотношение образов зимы и смерти. Еще очевиднее оно в образе нганасанской Богини потустороннего мира – *Сырада-нямы*, чье имя означает «Льда мать», «Лед-мать» (Грачева, С. 37); в семантическое поле слова *сырада* входят понятия «снег», «холод», «тьма», «смерть», а мир мертвых (нижний мир) считался царством вечного холода, почему покойников нганасаны хоронили в зимней одежде в любое время года (Христофорова 2014, С. 157, 169). С чем ср. русский фразеологизм, обозначающий смерть: «уйти на Ледяную горку» (Толстая 2008, С. 449).

Ранние исследователи на основании логических обобщений считали вариант с Богиней Зимы вполне возможным: «У западных славян Морена – Богиня смерти, и не удивительно, что, знаменуя воду, она была вместе Богиней зимы и смерти» (Костома-ров, С. 269). И уже от них повелось обыкновение популярных изданий называть Богиней Зимы Марену, что, безусловно, не имеет никакого отношения к серьезной науке. Более честные исследователи отметят, что при такой постановке вопроса, как был задан в начале главы, даже для предварительных выводов данных мало, и это будет чистая правда... Но только относительно языческих и постязыческих данных. Если исходить исключительно из них, то ученые никак не смогли бы сделать вывод, что Макошь – Богиня судьбы, а Перун связан с громом. Однако мы опираемся в своем исследовании на этнографические и фольклорные материалы, которые ретроспективно используются для реконструкции древних верований наших предков. Это метод не без недочетов, но одновременно он же признан

во всем мире, что вполне достаточно для принятия его как достаточно авторитетного. И наличного материала хватает для обобщенного вывода: славянам действительно была известна Богиня Зимы, и именно как один из ликов Марены. Мы уже много раз упоминали на страницах этого исследования Богиню Зимы, настало время подробно обосновать существование этой ипостаси Марены.

Одно из веских доказательств тому – персонификация зимы в образе старой и скверной характером женщины: блр. «*Зіма – старая, сівая баба, каторая заўжды запрашае да сябе мароз*» (Сержпутовский, № 126), укр. «*Весною Зима – стара баба, а Літо – молода дівчина*» (Воропай, С. 138); русская загадка о Зиме (Прикамье): «*Сердита матка, да прикрыла деток*» (Верещагин 2001, С. 181), в нижегородской сказке, явно вольной фантазии сказителя, появляется фигура Зимы: «*Вдруг показалась коляска, запряженная тройкой коней. Из нее вышли старик и старуха, одетые в теплые шубы и валенки /.../ Это были дед Мороз и старуха Зима. /.../ Зима постоянно ворчала и ругалась*» (Морохин 1994, № 52). Сами по себе предпосылки для персонификации сезона имеются: слово «зима» в славянских языках женского рода, так что отсюда и пол МП (мифологического персонажа); наиболее тяжелое время года сравнивается с характером (по сути, «зимний» = «суровый»); однако при этом налицо мифологическая подоплека таких повествований (противостояние двух МП-сезонов, их встреча) – по мнению украинцев, на Сретенье «старая баба зима встречается впервые с красавицей весной» (Климиник, С. 247), «Существует верование, что в праздник Сретения Господня личности эти встречаются и ведут между собою /.../ разговор» (Чубинский 1, С. 12). Т.е. это вполне самостоятельный персонаж, а не поэтическая фигура речи. Она действует, ее представляют вполне конкретно и телесно. В описании Зимы звучит указание на демоническую прозорливость, свойствен-

ную как раз Смерти (Хвори, Яге), истребляющей всё живое: укр. «*я зима на те, щоб їсти*» (Зинчук 39, № 26), «Девушка-лето спрашивает старуху-зиму: «Зачем ты уходишь из такой-то стороны, и что ты доброго там сделала?» – «Нечего мне уже быть там, – отвечает зима, – все что было, я съела, истощила все амбары, клуни и склады»» (Чубинский 1, С. 12). Обжорой называют и Масленицу, полностью соответствующую искомому образу: она – и зимний персонаж (олицетворение провожаемого сезона), и восходит к представлениям о Марене. Являясь вроде как эпитетом шуточным, указание на праздничное обжорство, тем не менее, может иметь архаическое происхождение, связанное с образами вечно голодной Смерти. Зима представляется женщиной и в русской традиции, что можно видеть, к примеру, в тексте вологодского ритуала на выгон из дома насекомых (внешение последнего снопа в дом): «*Кыште, блохи, мухи, тараканы и клопы и вся негодная тварь, пришла сама хозяйка-зима в дом*» (Терновская, С. 143). Его ближайший аналог – изгнание змей и блох 1 марта в Болгарии, осуществляемого именем Бабы Марты (Плотникова 2006, С. 368–369).

Мелкие детали обличья Зимы сообразны тем, что мы знаем о Богине Смерти: украинцами «Лето и зима представляются живыми существами: лето олицетворяют в виде молодой девушки, а зиму – в виде старухи **огромными зубами и костлявыми пальцами**» (Чубинский 1, С. 12), укр. «*Зима – це стара велика й груба баба. В неї кров біла, як маслянка, хоч на обличчі вона й рум'яна. Голова в неї велика й замість волосся – звисають довгі соплі¹; брови – то крижни, а вії – довгі сніжинки; ніс костяний, а сама вона завжди холодна, холодна; вуха, мов вітхі соломи; одягнена в лахміття, хоч для неї холод, як для нас тепло: ми боїмося холоду, а вона тепла /.../ вона вмирає від тепла. /.../ Її чоловік – то дід-мороз, але все він робить те, що наказує йому баба-зима; її син – сніговій, що сипле сніг, коли накаже баба-зима*» (Килим-

---

¹ Укр. *сопель, сомпіль, сомпель* «сосулька, сталактит» (Шило, С. 243).

ник, С. 255). Белая кровь – это, конечно, необычная деталь...¹ Здесь Зима выглядит своеобразной Снежной Королевой, хотя и жуткой ликом. Ассоциация еще больше покажется уместной, если указать на «зимние черты» у одного из МП, олицетворяющих болезнь. В Архангельской губ. Цингу представляли в облике страшной старухи: «Старуха с сестрами показывается иногда людям во время «погод», когда ветер свистит в каменных утесах Шпицбергена. В это-то время и видят старуху с сестрами через крутящийся в воздухе снег, освещенных синеватым, трепетным блеском северных сияний» (Власова 2013, С. 317). Мистическая обстановка – белые покровы снега, подсвеченные отблесками северного сияния, и страшное белое лицо, глядящее на живых сквозь снежное марево, – для явления Богини во всей Ее холодной и страшной красоте нельзя найти сцену лучше!

Ну и, раз уж мы заговорили о Снежной Королеве, обратимся к сказкам о Снегурочке (СУС 703*). В восточнославянских фольклорных текстах это персонаж, напрямую связанный с зимой, что не может не вызвать исследовательского интереса. Стоит взглянуть повнимательней на составляющие сказку элементы.

1. Снегурочка, имя которой вполне говорящее, вылеплена из снега, и представляет собой обычного снеговика, точнее, «снежную бабу». Обращали ли вы внимание, дорогие читатели, что «снежной бабой» фигуру из трех снежных шаров разного размера именуют даже при всяком отсутствии половых признаков? Детализация оказывается непринципиальной. Родители Снегурочки решают сделать себе дочку из снега, насмотревшись на то, как катают снеговиков дети, так что она копирует обычные снежные фигуры: «*Пришла зима. Все дети на саночках*

---

¹ На замерзший от смертельного холода вид Марены-Смерти может указывать одна примечательная деталь: укр. «*очі непорушні, вгору піднесені, мов зі шкля притьменного – уста сині, стулені*» (Тяпкина, С. 120), чеш. «*В окне увидел Смерть: белые губы, большие черные глаза*» (L-K, s. 30).

катаються, в сніжки грають і бабу сніжну леплять. Смотрият старики в окошко, як діти сніжну бабу леплять, і говорить старуха своєму старіку: «Давай, старик, слепим і ми із сніга дочурку, поставим напро́тив окошка і будемо на неї глядеть як на настоящую»» (Морохин 1992, С. 179), «На улиці ребятишки грають, леплять снігурочек да дедов-морозов із сніга. Старик і говорить старухе: «Пошли, тоже слепим себе снігурочку»» (РСЗ, № 46), укр. «Чужі дітки ліпили снігову бабу. /.../ «Ходімо й ми на вулицю! Скачаємо й собі снігову бабу /.../» – «Ходім. Тільки давай ліпити не бабу, а дитинку» (Зинчук 36, № 241).

Иногда тексты довольно подробно описывают процесс изготовления тела Снегурочки: «Вот один раз и говорит старик старухе: «Пойдем-ка мы, старуха, на волю да сделаем куколку из снегу...» Пошли и сделали они куколку из снега. Вместо глаз воткнули уголечки, вместо носика снежок ущипнули, вместо ротика сделали в снегу щелочку. Вот старик ходил, ходил кругом ее да идохнул на куколку. Вдруг она зашевелилась и сделалась Аннушкой-беянушкой» (Морохин 1990, С. 40), «Давай, они, значит, сделали Снегурочку. Там глазки, ручки, ножки, всё ей сделали» (РСУ, С. 94), «Вышли они на огород и принялись из снега дочку лепить. Скатали снежный ком, ручки, ножки приладили, сніжну голову приставили» (СНС, № 36), «Оделись, пошли и слепили /.../ Брови ей подвели угольком, щечки нарумянили» (РСЗ, № 46), укр. «Дід і каже на бабу: «Ходім і ми скотім бабу собі». Баба і каже: «На що тобі баби? Баба у тебе є, а коли тое, так скотім собі дитинку». /.../ Пішли і давай дитинку котить. І скотили і давай дитині ніжки робить і ручки, голову, вуши, рот, – усьо поробили. І як зробили вони усьо дитину, стала шкура дитяча обтягать ця, стала вона личком ворочать» (Лесевич, № 23)¹, «Пішли вони у двір

---

¹ Кто-то из недобросовестных помощников М. Зинчука, человека высокого научного подвига, как минимум дважды (автору доступны не все тома данного сорокатома издания сказок) без значительных изменений скопировали текст, опубликованный В. Лесевичем, вводя в заблуждение исследователей: Зинчук 39, № 37; Зинчук 40, № 11, а также, видимо, Зинчук 26, № 51.

і давай дитину ліпити зі снігу. Зробили усе як треба: голівку з кісками, вушка, очки, бровки, носик, ротик, ручки, ніжки» (Зинчук 36, № 241). Не хватает разве что морковки. Хотя, есть и она: «Слепили. Глаза – угли вставили, нос – морковь. А губы... (забыла)» (ФЗС, № 30). Сказки подчеркивают, что старики ее именно лепят: «Взяли да из снега девочку и слепили», «Принесли снежок, вылепили девочку, стала она с ними жить» (Перм, № 58, 59), блр. «Баба на дзядя гаворыць: «Дзеду, пойдзем мы злепім снягурку, яна ў нас мо будзе гаварыць»» (ЧК 2, № 58). Снег – материал весьма лепкий при известных условиях, так что, имея навык или время, легко соорудить вполне человекоподобную фигуру. По сути, Снегурочка – нечто иное, нежели схематично напоминающий человека снеговик, но, тем не менее, это именно «снежная баба».

2. Может показаться несерьезной попытка отнести снеговика к фигурам, изображающим Зимнее Божество – Марену/Масленицу, но факты, факты... Итак, первое мы уже отметили: Снегурочка = снеговик, а снеговик = «снежная баба», что говорит о женской природе того персонажа, которого он изображает. Второе – формальная логика: чем снеговик в роли простого и даже обыденного по зиме подобия Марены хуже чучела, изготовленного из всякого рванья и совершенно точно изображающего Марену? Третье – имеется множество примеров, позволяющих заключить: снежные бабы в масленичном празднестве имеют обрядово-игровое значение, часто заменяя масленичное чучело¹.
- *«На маслену у вторник делают из снега две снежные бабы. На одну наденуть женску одёжу, на другую – мужску одёжу, а рядом ставят ещё одно чучело из соломы, которая Маслена. Стары казали, шо чучело Маслены охраняет мужика и бабу. А у среду чучело сжигали»* (Солодовникова, С. 48),

---

¹ Ср. также: «в Каучуково и других селениях, где жили чалодоны, молодежь из соломы делала «куклу», которой глаза и рот рисовали углем, а вместо носа **втыкали морковку**, надевали платок и юбку и ставили в первый день Масленицы на горке» (Золотова, С. 80).

- «Местами делают из снега чучело – бабу, которую подвозят к кострам на салазках, где она от близости огня тает» (Завойко, С. 148),
- «Еще чучело делают из снегу» (Соболева, С. 6),
- «Делали не чучело Масленицы, а лепили ее из снега, ставили на реке, наряжали. Она таяла сама» (Ефимов-Ефимова, С. 203).
- «Из снега снеговиков ребята делали, из соломы чучел не делали. Ребята придуть – в снег наволют, мала куча наволит-ся, человек десять на одну – ну она и лежит в снегу, будто мертвая», «На Масленицу делали чучело из снега» (КОВО, № 230, 329),
- «Своеобразной заменой соломенного чучела в рассматриваемом регионе иногда служила снежная баба, которую лепили около дорог, горок, в центре села» (Золотова, С. 88),
- «В с. Логово Велижского района на масленицу изготавливали чучело из соломы, «делали ему лицо, снегом обклеивали – как бабу такую». Однако, чучело не сжигали, оно стояло до весны, пока само не разваливалось» (СМЭС, С. 695),
- «Соберутся, соломенную бабу сделают, или снегу натолкают, уже он сырой, рот, нос из углей, палки и подожгут это все, а снег шипит, знаешь, как интересно. Соломенное делают, такие фуфайки рваные, еще и валенки наденут, но сажали на снежную бабу. Вот когда он горит, а снег подтаивает под ним, шипит. Возьмут вроде столбика, потом его обвивали соломой, чтоб он потолще был, столбик из любого дерева, большинство елку сухую. Потом тоже из соломы голову делают. Надевали шубу и шапку, белую тряпочку повязывали, чтоб лицо у него, и щеки покрасят, и шапку наденут, и руки сделают, и потом поджигали его. И он горит так хорошо, и снег шипит, и прям все пляшут» (ТКГК 1, С. 44),
- блр. «разам з тым у гэты дзень (весеннее равноденствие, – Б.М.) выганяюць зіму на цэлы год, и іменна: робяць са снегу бабу, пасля разбіваюць яе на часткі з патрабаваннем, «каб зіма на дзевяць месяцаў ад нас пайшла»» (Земляробчы, С. 147),

- «Куклу-то поставят из снегу, ворота-то сделают как из снегу-то... а в середину поставят эту бабу снежную, угли вставят в глаза, черные угли» (Востриков 1, С. 102),
- «в Людиновском районе Масленицу – крупную снежную фигуру – лепили парни в центре села в четверг. Украшали соломой – юбка, рукава, волосы. Красовалась снежная баба до воскресенья, а там ее сначала ребяташки снежками закидывали, а потом парни палками начисто разбивали» (Строк, С. 263),
- «В некоторых местах Орловского у. лепили из снега бабу и скатывали ее на салазках с горы со словами: «Здравствуй, широкая Масленица!»» (Соколова, С. 16),
- «в субботу и в воскресенье с горы на озеро катались на санках, парни прыгали и кувыркались через перекладину, все лепили снежных баб, катались на лошадях, пели песни, пекли праздничные блюда» (Мелехова, С. 135).
- «В Поочье Масленицу делали из снега, снежное чучело Масленицы изготовлялось в соседней Владимирской губернии, то есть ареал снежного чучела компактен, а ранние сведения о данной форме относятся к началу XX века» (Корепова, С. 219).
- в Торжокском р-не Тверской обл. масленичное «чучело делали из снега, надевали на него всякое рваньё, в рот ребята совали папироску» (Бабковская 2015, С. 218).
- Красноярский край: «Масленицу лепили из снега в виде девушки. Ставили на самое видное место», «На Масленке делалось чучело, его лепили из снега, лепили старуху» (СМас, № 335, 338).
- «В течение всей (масленичной, – Б.М.) недели делают из снега куклы», «Лет пять тому назад у домов ставились куклы, которые делались из снега», «Накануне приезжают зятя. Для них у дома ставятся куклы из снега или соломы, около них и встречают гостей», «Дети от 9 до 12 лет делают из соломы в масленицу куклы (делают также и из снега), одевают их в старые платья и тряпки, а потом устраивают из них мишень и кидают снежками» (Елховский 2, С. 66, 78, 95, 97).

Я нарочно ограничился не одним-двумя примерами, а дюжиной, надеясь наглядно показать эту малоизвестную реалию масленичной обрядности. Не единичные случаи, но повсеместное обыкновение. Подтверждение тому, что фигуры из снега могли иметь культовое значение, мы видим в обрядовой практике саамов, живущих в землях, снегом изобилующих – это ситуативно воссоздаваемые, временные и порой нарочито разрушаемые «идолы»: «обвиненный, которого заставляют принять присягу, вырезывает идола, зимою из снега, а летом из земли, разрубает его пополам со словами: «Пусть я сам так буду разрезан...»», «Самоеды, собравшись в одно место, делают из снегу или глины несколько остроконечных треугольных болванов с изображением лица», возле которых приносили жертвы и давали присягу, «Самоеды /.../ ротятся /.../ старыми деревянными, оставленными идолами или вырезанным подобием их из снегу» (Ефименко 1877а, С. 224–225).

Итак, то, что нам известно как лепка снеговиков, в русской деревне воспринималось не вполне забавой. «Снежная баба» = чучело Масленицы = Марена. Скажу больше – сюда вписывается и Яга, ибо так называли иногда снеговиков: «Как только на улице окажется достаточно мокроватого снега, дети дружно начинают делать снежного человека, которому дают название то великана, то **Бабы-Яги** и т.д.» (Покровский, С. 364), «*Комочки наливают, яги-бабы делают; это снегурки, черны глазки кладут*» (Черепанова 1983, С. 104). Даже Снегурка... Все это – не фантазии досужего популяризатора «древних ведических знаний», но очевидный факт, оцененный (хотя и мало пока) исследователями: «*Вероятно, снежная Масленица – олицетворение зимы, и таким образом реализовалась идея проводов зимы*» (Корепова, С. 219). Такая вот картина...

Все мы в детстве катали снеговиков, нимало не думая о том, что бы они могли обозначать. Так делали наши родители, так делали их отцы и матери – никто специально такому никого не учит, но умение это передается «из рук в руки» в каждом поколении еще в детском возрасте. Для нас это была просто веселая